

СД

Из глубин

Saba maal aituu: tordjalaki installa over gorri diluculum.

Без сомнения, доктор Хаоким был талантливым экспериментатором и лучшим из ныне практикующих врачей-гипнотизеров, но профессора Барнаби слегка раздражала его манера произносить восторженные монологи. Да еще дама сидела с застывшим взглядом и не шевелилась.

— Ведь уже поздно. Скажите, для чего вы меня позвали? — спросил Барнаби, и в ответ Хаоким, покачивая перед лицом дамы хрустальным колокольчиком на длинной серебряной цепочке, завел свою шарманку:

— Мою работу можно уподобить лозоходству по поверхности мозга. С этой лозой, — доктор качнул колокольчиком, — я не спеша двигаюсь через пустоши рассудка, я продираюсь сквозь вересковые заросли моральных запретов и забредаю в чащи генетической памяти. Под сенью шатра либидо я отдыхаю на берегу озера, в черных глубинах которого таится древнее чудовище Оно. В своих странствиях мне приходится плутать в каменных лабиринтах воспоминаний, пересекать патогенные зоны кошмаров, отдыхать в укромной долине первого сексуального опыта и барахтаться в прихотливых волнах океана случайных ассоциаций. И вот однажды я обнаружил, что на отдаленном и до сих пор никем не исследованном полюсе сознания есть, выражаясь метафорически, затерянная пустыня, совсем небольшая, и посреди нее озеро — даже не озеро, почти лужа. К моему удивлению, выяснилось, что такая пустыня с озерцом есть в сознании каждого человека. Несколько дней назад я впервые пересек эту пустыню и встал над озерцом. Его берега покрывала корка запекшихся нейронов, ограждая поверхность от любого вмешательства, а вода была чиста и прозрачна — казалось, лучи жаркого солнца, светящего из-под высоких черепных сводов, пронзают ее насквозь, однако, странное дело, я не видел дна. Озерцо было бездонным, и вместо своего отражения я разглядел лишь смутный образ, словно клуб белесого пара в сине-зеленой воде. Я повернул свою лозу, и тогда что-то поднялось из глубины. Поднялись слова... Думаю, сейчас я опять услышу то же самое, и это будет уже в четвертый раз. Вот. — И Хаоким качнул колокольчиком.

Звук оказался чистым, нежным, как первый солнечный луч сквозь рассветную дрему. Дама на стуле закрыла глаза и, почти не шевеля губами, проговорила глухо, отрешенно, голосом, мало походившим на женский:

— Саба маал аиту: торджалаки инсталла анна гори дилукулум.

— Вот! — воскликнул Хаоким. — Вы слышали, друг мой? Опять то же самое, в четвертый раз! Они все говорят одно и то же! — Он вновь качнул колокольчик, теперь резче — дама моргнула и пришла в себя.

— Вы свободны, дорогая. Нет-нет, платы не надо, сейчас

я на отдыхе, это просто дружеская помощь. Сеанс прошел успешно, вечерняя мигрень отменяется.

Когда пациентка, с восторгом поблагодарив доктора, ушла, Барнаби задумчиво сказал:

— Да, вроде что-то знакомое, но... Потому вы и позвали меня?

— Конечно, дорогой мой! Каково? Вы знаток, вы лучший из лучших. Кому, как не вам, расшифровать это послание?

— Ну, не преувеличивайте! — Барнаби даже порозовел от смущения. — М-да. Там было слово «приходят», а еще... что-то на датском и, кажется, на готском. Слово «красный» или даже так — «красном»... Но это же глупость! Неужто все ваши пациенты, когда вы подвергаете их гипнотическим манипуляциям и э... вторгаетесь в определенный отдел их мозга, произносят одну и ту же фразу?

— Всё! — почти крикнул Хаоким, нависая над Барнаби. Тощий великан и низенький толстячок, стоя рядом, выглядели, как единица и ноль. — Всё! Однако же я не решусь утверждать столь категорично, так как, повторяю, обнаружил это недавно, уже когда мы приехали сюда, в коттеджи. То есть я услышал эту фразу пока что от четверых. Но интуиция подсказывает мне: при гипнотической стимуляции определенного рода я и впредь буду слышать все те же слова. Вы гуманитарий, вы переведете их?

— Пока что я разобрал лишь «красный» или «красном», «приходить» и еще, пожалуй, «семь».

— Но что это за язык?

— Это разные языки... Ну хорошо, попробуем. К счастью, я захватил в отпуск несколько словарей. Теперь они нам пригодятся.

— Так идемте! — обрадовался Хаоким, вешая цепочку с колокольчиком себе на шею.

Спустя уже пару минут пожилой профессор и пожилой доктор быстро шагали сквозь ночь от крошечного летнего домика Хаокима к более вместительному жилищу Барнаби. Доктор был холост, а профессор пребывал тут с женой, пятилетней дочерью и отцом, уже действительно старым. Как выяснилось по дороге, жена Барнаби сейчас всё еще на длительной экскурсии в глубине острова, а дедушка с внучкой, видимо, спят.

— Нет, это чепуха, — говорил Барнаби, пытаясь угнаться за длинноногим спутником. — Подумайте сами, как такое может быть? Что это за слова, что за мантра такая, зашитая в мозг каждого человека?

— Может быть, пароль, включающий человеческий компьютер на самоуничтожение? — ухмыльнулся Хаоким.

— Нет-нет, решительно чепуха!

— Формально — да: ведь все мои пациенты живы... «Приходят», «красном», «семь»... Непонятно. Но я ведь проверил уже четверых!

— И что же? Все они такие же отдыхающие, как и мы,

ведь так? Люди примерно одного возраста, достатка, социального положения.

— К чему вы клоните? Как это связано?

— Я утверждаю: для полноты эксперимента вам необходимо подвергнуть внушению и дальнейшему исследованию других, отличающихся...

Барнаби не договорил, потому что Хаоким, крикнув, тут же повернулся в сторону проходящего мимо молодого, загоревшего до черноты грека, который днем обычно сидел на складном стуле у берега и сдавал напрокат легкие пробковые лодочки.

— Пойдите, молодой человек!

— Нет, зачем же так? — начал было Барнаби, но опоздал: колокольчик, тихо звеня, монотонно и завораживающе, уже раскачивался перед глазами грека.

Хаоким действительно был одним из лучших гипнотизеров. Лодочник впал в транс, а вскоре его обветренные губы приоткрылись, и глухой отрешенный голос молвил:

— Саба маал аиту: торджалаки инсталла анна гори дилукулум.

— Ну конечно, еще и голландский, — отметил Барнаби, в то время как Хаоким выводил грека из транс.

— Что вы сказали? — Они уже приблизились к дому профессора.

— Я говорю, что второе слово — «маал» — это, судя по всему... Ага, нет, это баскский! Погодите, я сейчас...

В комнате, в кресле перед телевизором, сидел отец Барнаби, на его коленях примостилась внучка.

— По-моему, это означает «раз», — продолжил профессор.

— Саба маал аиту: торджалаки инсталла анна гори дилукулум, — раздумчиво повторил Хаоким. — Добрый вечер! (Это старику и внучке.) «Семь», потом «раз», потом «приходит» и наконец «красный». Что-то я не пойму... Ой, лапочка! — Подскачив к креслу, гипнотизер взял девочку на руки и торжественно поцеловал ее в лоб. Та нахмурилась. У нее в руках был розовый чупа-чупс, зализанный до состояния тонкой сосульки. — Господи, да мы все липкие! Что это у нас — леденец, а?

Ребенок хмуро смотрел на гостя, не выпуская конфету изо рта. А Барнаби скептически наблюдал за сюсюкающим доктором. Понятно: никогда не имевший собственных детей, Хаоким трепетно относился к чужим.

— Ладно, ладно, — наконец произнес Барнаби и кивнул отцу. — Уже совсем поздно, ей пора спать, папа. Спокойной ночи, моя красавица!

Когда старик и девочка скрылись в соседней комнатке, Барнаби достал из стоявшего в углу чемодана несколько словарей, лист бумаги и карандаш.

— Ну что же, — сказал он, усаживаясь за стол и включив лампу. — Четыре слова я припомнил своими силами — теперь поищем остальные... Вроде бы здесь нет латыни, хотя как раз ее можно было бы ожидать в такой фразе, но зато есть что-то из тюркского... Но что это за слова, которые словно лежат на самом дне сознания от начала времен? Я все равно буду считать это совпадением, пока кто-нибудь не докажет мне обратное!

Профессор сосредоточенно листал словари, и тут, уловив внучку, в комнате появился отец Барнаби. Он выключил телевизор и, судя по всему, тоже направился спать.

— Папа, одну секунду! — позвал профессор.

— Что, сын? — спросил старик скрипучим голосом.

— Одну секунду, папа. Вы ведь знакомы с Хаокимом? Это

мой друг. Он врач, он хочет кое-что сказать вам. — И горячо зашептал на ухо Хоакиму: — Ну загипнотизируйте его! Он из Восточной Германии, хотя по национальности поляк. Был мастером на прядильной фабрике, пока не эмигрировал. Совсем другой социальный слой. Мне интересно, а вам разве нет? Ну же, давайте!..

Спустя минуту глухой отрешенный голос промолвил:

— Саба маал аиту: торджалаки инсталла анна гори дилукулум.

— Чертовщина! — почти рявкнул Барнаби, когда Хаоким отступил от старика и тот, устало поднявшись из кресла, с недовольным видом зашаркал в спальню. — Не понимаю! Это же... это крупное открытие, так, что ли?

— Ну, похоже, — растерянно протянул Хаоким. — Только пока не могу понять, что же именно я открыл.

За стеной проскрипели пружины, когда старик улегся. В прибрежном поселке все спали, время перевалило за полночь, а ночи в это время года тут длятся недолго.

— Здесь очень старая мебель, — заметил Барнаби. — Даже под пятилетним ребенком кровать начинает скрипеть. Я уже жаловался в дирекцию, завтра обещали заменить. А теперь не мешайте мне. — И он снова углубился в словари.

Хаоким, порывистая натура которого не терпела бездействия, стал ходить по комнате, скупо освещенной огнем настольной лампы. Так прошло минут десять.

— «Скажи!» — вдруг произнес Барнаби. — Ну конечно, это киргизский! Тут возможны варианты: или «скажи», или «глаголь», или, допустим, «молви». Впрочем, они все равно синонимичны.

— Какое это слово? — Хаоким склонился над столом. — Третье? Ага, так, и что у нас получается? — Схватив карандаш, он стал писать: — Семь... раз... скажи... приходят... красном... А вот это, которое перед «красным»? Овер — что это?

— Предлог, скорее всего. «В» или «на», или еще это может быть что-то вроде «во время».

— Мне тут пришло в голову... Ха! А что, если это ответ на вопрос о смысле жизни?

— Спокойней, доктор, спокойней. Я филолог, но не полиглот, я не могу знать все языки мира. Пожалуйста, выпейте пока чаю, если хотите.

Однако Хаоким не желал чаю. Он ходил по комнате от стены к стене, иногда вставал у окна и вглядывался в ночную темень. Потом (порывистая натура!) бросился в кресло перед выключенным телевизором и заснул. А проснулся, когда за стеной скрипнули пружины, после чего в туалет прошаркал старик.

Барнаби сидел за столом и глядел на Хаокима.

— Ну что у вас? — спросил доктор, протирая глаза.

— Кажется, я расшифровал, хотя...

— Что? Ну же, говорите!

— Послушайте, а ваш гипноз безвреден?

— Конечно.

Они замолчали, когда услышали, что старик прошел обратно. Заскрипели пружины — он лег.

— То есть абсолютно безвреден? И нет ни малейшего намека на какие-либо отрицательные последствия? — повторил вопрос Барнаби.

— Какие последствия, дорогой мой? Гипноз практикуют уже не один век. Наоборот, это полезно... Ладно. Так что означает последнее слово?

— Я не уверен. Мне надо услышать его еще раз. Потому я и спрашиваю. Дочь...

— Малышка, ваша девочка? — удивился Хаоким. — Вы хотите, чтобы я и ее?..

Доктор замер с раскрытым ртом, сам не понимая, почему эта мысль обеспокоила его. Уж кому, как не ему, было знать, что гипнотические сеансы никакого вреда принести не могут, но все равно пугало, что из уст ребенка может зазвучать отрешенный голос.

— Ну так что же? — Барнаби с тревогой уставился на доктора. — Говорите. У вас все-таки есть сомнения?

— Мне кажется... что все нормально, — заключил Хаоким упавшим голосом. — Я сейчас ее принесу.

Он отправился в спальню, поднял девочку с постели и, принеся в комнату, осторожно усадил ее в кресло. Ребенок очнулся, но явно не понимал, что происходит.

— Малышка! — прошептал Хаоким, поднимая колокольчик. — Дорогая малышка, смотри сюда.

Через пару минут отрешенным голосом, совсем не детским, девочка четко произнесла:

— Саба маал аиту: торджалаки инсталла анна гори дилукулум.

Доктора Хаокима аж передернуло.

Потом ребенок захныкал, и доктор остророжно отнес его в спальню. Проскрипели пружины, воцарилась тишина. Хаоким вернулся в комнату и после долгой паузы спросил:

— Профессор, вы не находите, что на этот раз оно звучало как-то... ну, не так? Словно бы глуше, а?.. В общем, что у нас получается? «Семь», «раз», «молви», «торджалаки», «приходят», э... далее какой-то предлог и «красном». Да?

Однако Барнаби уже не слушал доктора — он склонился над столом, лихорадочно листая словари. Хаоким пожал плечами и вновь стал мерить комнату шагами. «Рассвет!» — вскоре услышал он голос Барнаби и посмотрел в окно. Там было еще темно. Хаоким подошел к столу и склонился над листом бумаги, где аккуратным детским почерком профессора было выведено: «Семь раз молви: ... приходят, предлог, красный, рассвет».

— И что же? Вы расставили это в том порядке, в каком оно на самом деле?

— Да, но осталось еще одно слово. Я слышал его, я даже вроде бы узнаю язык, но никак не могу сообразить.

— Вот это слово, да? — Длинный палец Хаокима уперся в строчку. — Торджалаки? Немного зловещее слово, мне кажется.

— Дайте мне еще подумать, — попросил Барнаби.

А Хаокиму все больше хотелось спать. Он отхлебнул чаю, потом включил было телевизор, но Барнаби тут же раздраженно подал голос:

— Уберите, мешает!

Но вот, записав что-то на листке, профессор наконец произнес:

— Есть!

За стеной приглушенно скрипнули пружины.

— И что же, что? — уже потеряв терпение, пробормотал доктор.

— Вы хотите, чтобы я прочитал?

— Ну конечно же!.. Да что это с вами, дорогой мой?

Барнаби поежился:

— Как-то промозгло стало. С океана веет сыростью, и особенно это чувствуешь, когда воздух охладится за ночь, замечаете?.. Так, ладно. Здесь суахили, голландский, киргизский, венгерский, датский, готский, баскский... Ну, слова в переводе. Понимаете, а вдруг смысл на самом деле другой? Я ведь ориентировался только на слух, поскольку не

ФАНТАСТИКА

видел правильного написания. Эти слова, звучащие точно так же, но на каком-нибудь древнем языке — или древних языках, — могут означать нечто совершенно иное! А последнее слово вообще расплывчатое, у него нет четкого, определенного значения... В общем, я тут еще изменил падежи, поэтому получается... ну, кажется, так: «Семь раз молви: создания приходят на красном рассвете».

Хаоким оказался в полной растерянности.

— Создания? Дорогой мой, какие создания?

— Там возможен целый ряд синонимов. Посланные, чудовища, уничтожители. Вот так. — Барнаби вяло провел ладонью по лицу, встал, прошелся по комнате и замер у окна.

— Но ради всех святых, что это означает?

— Не знаю. Может быть, формула смерти? Слова, которые Бог сказал Адаму и Еве, изгоняя их из Рая? Девиз сатаны? Я не знаю. Просто ума не приложу.

За стеной скрипнули кроватные пружины. Хаоким уселся на стул, до того занятый профессором. Они переглянулись: доктор сидел, согнув длинные ноги, будто готовый вскочить в любое мгновение; профессор стоял у окна, сцепив руки за спиной.

— Все равно чепуха! — глухо произнес Барнаби. — Ну подумайте: каким образом некая фраза может вызвать что-то извне? Повлиять на окружающую нас реальность?

Осунувшееся лицо профессора обратилось к окну, за которым шумел океан. Хаоким вгляделся в листок. «Семь раз молви: торджалаки приходят на красном рассвете»... Вдруг он нахмурился, поднес к глазам руку, загибая пальцы и шевеля губами. Досчитав, произнес, не поднимая головы:

— Извне, вы сказали? Нет, речь о другом. А если как раз сейчас что-то поднимается из глубин озера?

Мигнув, погасла настольная лампа; в это время перед рассветом в поселке иногда ненадолго отключали электричество. Пружины кроватей скрипели за стеной все громче и громче. Хаоким смотрел на Барнаби, а Барнаби, не отрываясь, смотрел в окно, за которым, как сейчас стало заметно, что-то приближалось со стороны лодочной станции. На обвисших щеках профессора появился румянец. Пружины проскрипели особенно громко, почти пронзительно. Раздался какой-то шум, затем тихие невнятные голоса. Открылась дверь в комнату. И вот тогда доктор Хаоким зажмурил глаза, чтобы не видеть, как, наполняя комнату страшными тенями, сквозь окно медленно вливается жирный, осклизлый свет зарождающегося над океаном утра.

